

Дзюнпэй Ёсино рассказал, что Махито схватил его прямо на улице. Поначалу это проклятие планировало поставить на парне очередной жестокий эксперимент, но быстро передумало и превратило Дзюнпэя в наживку, рассчитывая выманить А-Эра.

Заметив у Ёсино задатки мага, А-Эр без лишних разговоров пристроил его в Магический колледж, определив в один класс к Юдзи Итадори и остальным.

С Юдзи они быстро сошлись характерами и мгновенно сдружились. Прежде замкнутый и угрюмый Дзюнпэй на глазах преобразился, став куда более открытым.

Время шло своим чередом. Одолевавшее А-Эра **[Проклятие полнолуния]** больше себя не проявляло — возможно, всё дело было в смене физической оболочки.

Сатору Годзё и Сугуру Гэто даже немного расстроились. Они-то надеялись поймать момент, когда Сидзука потеряет рассудок от жажды крови, чтобы зажать его в объятиях.

Ведь увидеть Сидзу в таком беспомощном, диком состоянии удавалось крайне редко.

За это время А-Эр успел навестить Рико Аманай. Благодаря стараниям Сатору и Сугуру девочка смогла скрыться от мира и жить спокойной жизнью под чужим именем вместе с Мисато Курои, которая заменяла ей и старшую сестру, и мать.

Увидев А-Эра живым, Рико едва не разрыдалась. Ещё до трагедии со Звездным Сосудом Слияния они случайно пересеклись на одном задании. Тогда А-Эр ещё не вернул свои воспоминания, но от Рико исходила аура, неуволимо напоминавшая А-Си. Он поддался этому чувству и невольно стал оберегать девочку как собственного ребёнка.

Во время сопровождения Звездного Сосуда Слияния миссию поручили только Сатору и Сугуру, но А-Эр, воспользовавшись положением личного слуги молодого господина Годзё, настоял на своём участии, чтобы неотлучно охранять Рико.

Кто же знал, что тот инцидент станет для него фатальным. Из-за его гибели Рико долгие годы изнывала от чувства вины.

И теперь, когда он вернулся — пусть и в ином обличье, — девочка не сдержала слёз облегчения.

Впрочем, возвращению А-Эра радовались не только друзья: весть о его воскрешении всколыхнула как лагерь шаманов, так и скрывающихся в тени магов-проклинателей. Сам виновник торжества лишь недоумевал. Он и не подозревал, что наделён врождённым, почти гипнотическим магнетизмом, заставляющим людей лететь на его свет подобно ночным бабочкам. Какую бы личину он ни принимал, у него всегда находились фанатичные последователи.

Кое-кто из особо приближённых даже осторожно прощупывал почву, расспрашивая, нет ли у него на примете того, с кем он жаждет слиться воедино. Устав от навязчивого любопытства, А-Эр как-то раз отрезал:

— Есть. Это человек с белоснежными волосами и алыми, как розы, глазами.

И ведь он ни капли не солгал — ему действительно не терпелось воссоединиться со своим вторым воплощением, чтобы наконец завершить эту затянувшуюся игру.

Те, кто услышал это признание, с мрачными минами бросились разыскивать таинственного незнакомца, о котором говорил Сидзука Годзё. Иронично, но эти поиски лишь ускорили слияние двух миров, что, в общем-то, было на руку А-Эру.

Ну а если подобные слухи усложнят жизнь его другой половинке — что ж, пусть решает проблемы по мере их поступления. Сам расхлёбывать будет.

К концу октября противостояние между магами и союзом проклятий особого ранга перешло в фазу открытой войны. Пока все вокруг метались, поглощённые подготовкой к решающим битвам, А-Эр в полном одиночестве ждал визита Кэндзяку.

Он не сомневался: Кэндзяку явится лично.

Для этой уверенности не требовалось веских причин — вела простая интуиция, связывающая братьев по крови.

Предчувствие не обмануло. Оставив все свои грандиозные замыслы, Кэндзяку явился один. Едва он переступил порог, А-Эр вперил в него тяжёлый, неотрывный взгляд.

Сейчас Кэндзяку занимал тело, принадлежавшее А-Эру в первом раунде игры — то самое, в котором А-Эр и погиб от его руки. Тонкая чёрная вуаль скрывала уродливый шов на лбу. Когда они застыли друг напротив друга, сходство казалось пугающим — словно один смотрелся в зеркало, не в силах отличить отражение от оригинала.

Впрочем, даже скрытое за вуалью лицо не могло утаить беззаботного, почти праздничного настроения Кэндзяку. Он держался так свободно, словно выбрался на весеннюю прогулку.

Он даже позволил себе усмехнуться:

— Благородный герой отправляется в поход ради спасения мира, совершает подвиги, помогает сирым и убогим, а в финале сходится в смертельной схватке со злодеем и выясняет, что тот — его родная кровь. Банально, но чертовски увлекательно. Как раз в твоём вкусе, верно, братец?

Лицо А-Эра оставалось ледяным. Да, он питал слабость к подобным сюжетам, но предпочитал не путать вымысел с реальностью. Наблюдать за чужой драмой из зрительного зала — одно удовольствие, а вот оказаться на месте главного героя — сомнительная радость.

И уж точно никто не спрашивал согласия у тех несчастных, чьи жизни Кэндзяку оборвал или превратил в кошмар, отведя им роли безымянного пушечного мяса в своей пьесе.

При этой мысли А-Эр посмотрел на брата, и его серебряный взгляд сделался холодным и твёрдым, точно панцирь векового ледника.

Натолкнувшись на это ледяное молчание и подавленную ярость, Кэндзяку лишь мягко улыбнулся. В его глазах промелькнула странная, тоскливая нежность. Он протянул руку, касаясь щеки А-Эра, и негромко произнёс:

— Наконец-то, братец... Наконец-то ты смотришь на меня иначе. Не этой твоей вечной, одинаковой для всех милостью, а взглядом, который предназначен только мне одному.

Для активации проклятой техники А-Эру требовался телесный контакт, но Кэндзяку не только не пытался увернуться, а сам тянулся навстречу. Сложно было сказать, в кого он верил больше — в собственное превосходство или в мягкосердечие старшего брата.

— Что творится в твоей голове? — сквозь зубы процедил А-Эр.

Он мог понять, что у Кэндзяку есть свои идеалы. Да, А-Эр порой вёл себя как слишком строгий опекун, склонный к гиперопеке, но он никогда не требовал от воспитанников беспрекословного подчинения своим планам. Однако никакие великие цели не могли оправдать ту запредельную жестокость, которую сеял Кэндзяку.

— О чём ты, братец? Разве ты сам не готов пойти на всё ради достижения своей цели? Мы ведь так похожи.

— Ты ведь никогда не задумывался об этом всерьёз, правда? Мы — близнецы, развившиеся из одной клетки. В мире магии такие, как мы, считаются единым целым. Я — это ты, а ты — это я.

— Чтобы спасти обычных людей от гнёта проклятий, ты стремишься выкорчевать саму систему шаманизма. Я же хочу превратить всё человечество в магов, чтобы их негативные эмоции больше не порождали монстров. По сути, мы стремимся к одному и тому же!

Голос Кэндзяку так и струился приторным ядом искушения — обычный человек давно бы запутался в этих хитросплетениях лжи. Вот только А-Эр и сам прекрасно владел подобными приёмами, его собственный показатель очарования давно упёрся в максимальный предел.

— Нет, мы разные, — спокойно возразил он.

А-Эр посмотрел брату в глаза.

— Моей второй половиной никогда не был ты.

"Моя душа разделена с двумя другими версиями меня самого"

—... Вот как, — тихо выдохнул Кэндзяку. В этом мимолётном вздохе крылась лавина невысказанной, горькой обиды. Справившись с чувствами, он перевёл разговор на другое: — Ты уже встречался с Тэнгэном?

Из уст А-Эра это имя звучало привычно, но когда Кэндзяку назвал её так же сухо — Тэнгэн, — внутри у старшего брата шевельнулось неприятное чувство.

Казалось, с того момента, как они оба начали величать её этим официальным титулом, та маленькая девочка, с которой они когда-то делили кров в глухой чаще, пережившая столько горя, но нашедшая в себе силы жить дальше, окончательно растаяла в небытии.

Кэндзяку без труда угадал его мысли и негромко рассмеялся:

— Братец, не обманывай себя. То, что сейчас зовётся Тэнгэн — не более чем старое дерево. Дерево, пустившее корни на могиле нашей милой А-Си.

Он продолжал улыбаться, но в этой улыбке сквозила затаённая скорбь.

— В этой оболочке от А-Си давно ничего не осталось.

А-Эр так и не научился понимать Кэндзяку, хотя собственноручно вырастил его.

Тот с лёгкостью шёл на чудовищные преступления ради своих безумных планов, но в то же время порой проявлял поразительную чуткость. Вот и сейчас — презирал Тэнгэн, именуя её бездушным "древом", но искренне оплакивал похороненную в ней А-Си.

Из-за этой вечной двойственности А-Эр запутался, колеблясь между глухим гневом и родственной привязанностью.

— Ты действительно веришь, что А-Си исчезла без следа? — тихо спросил А-Эр.

Перед глазами проплыл образ Тэнгэна. Вспомнилось, как она, почуяв его жажду убийства, намеренно перевела тему, пытаясь защитить Кэндзяку. И те едва различимые, похожие на тихий шелест ветра слова, которыми они обменялись на прощание: *"Я тоже, братец"*. Разве могла бездушная Тэнгэн сказать такое? Нет, это была она. А-Си.

— Она всё ещё там, глубоко внутри, — твёрдо произнёс А-Эр.

Кэндзяку снисходительно хмыкнул:

— Ах, братец, ты слишком доверчив. Неужели не видишь, что это существо просто использует тебя, чтобы избавиться от меня? Вечно ты ей потакаешь. Я ведь и приревновать могу... Впрочем, ладно. Главное, что твоим любимчиком стал не Сатору Годзё. Этот тип на редкость назойлив — преследует тебя из жизни в жизнь, точно злой дух.

А-Эр нахмурился. Заметив его недовольство, Кэндзяку лишь покачал головой и сменил тему:

— А с Юдзи Итадори ты уже познакомился?

На его губах снова заиграла весёлая, интригующая усмешка:

— Вообще-то, этот мальчик вполне мог бы называть тебя дядей.

А-Эр опешил. Разум пронзила внезапная догадка: так вот откуда взялось это странное чувство близости, вспыхнувшее при первой же их встрече с Итадори! Ошеломлённый новостью, он разом позабыл о недавнем гневе и даже не обратил внимания на странную двойственность предложенных Кэндзяку семейных ролей.

— Ты... женился на ком-то и завёл ребёнка? — растерянно спросил он.

Кэндзяку посмотрел на него с искренним недоумением, после чего покачал головой:

— Вовсе нет. С чего ты взял? Этого ребёнка я выносил и родил сам.

— Что?..

Кэндзяку в общих чертах поведал, как захватил тело Каори Итадори и забеременел Юдзи. От таких подробностей у А-Эра окончательно пошла кругом голова.

Он даже заподозрил, что брат нарочно вывалил на него эти откровения, чтобы пошатнуть его самообладание перед боем. Но Кэндзяку действительно не преследовал скрытых мотивов — ему просто хотелось поделиться со старшим братом радостью материнства.

Точь-в-точь как домашняя кошка, которая, доверяя хозяину, приносит к его ногам своих новорождённых котят.

На душе у А-Эра стало невыразимо тяжело.

Этот безумец однажды уже лишил его жизни, осквернил его тело и запятнал себя немыслимыми грехами, но при этом продолжал видеть в нём единственную опору и тянуться к нему с детской преданностью — даже сейчас, когда они сошлись ради смертельного поединка.

Возможно, всё дело в искажённом мышлении проклятий?

Хотя, положив руку на сердце, А-Эр и сам был далеко не праведником.

Схватка вспыхнула мгновенно и завершилась на удивление быстро. Смятение в мыслях никак не отразилось на действиях А-Эра — его удары были безжалостны и точны.

За тысячу лет упорной прокачки характеристик он накопил колоссальную мощь, а новое тело было полно сил и здоровья. У Кэндзяку попросту не оставалось шансов на победу.

Когда А-Эр нанёс сокрушительный, смертельный удар, Кэндзяку из последних сил рванулся вперёд и крепко обнял брата. Их чёрные волосы перепутались, в точности повторяя очертания той единой плоти, из которой они когда-то вместе соткались в утробе матери тысячелетие назад.

Им суждено было явиться в этот мир неразрывно связанными, но уйти вместе им было не дано.

— Пусть моя жизнь оборвётся... всегда найдётся тот, кто продолжит моё дело, — прохрипел Кэндзяку, захлёбываясь кровью. — Но я так и не смог отказаться от тебя, братец. Разум и чувства в один голос твердят, что именно ты — моя главная преграда.

— И всё же я бросил всё, чтобы быть рядом. Даже если ты никогда меня не поймёшь, я наложу на тебя вечное проклятие. Моя душа вернётся в твоё тело, и мы наконец-то сольёмся навек.

А-Эр замер, поражённый этими словами. Память внезапно перенесла его на тысячу лет назад, под тень раскидистого дерева, где маленькие Кэндзяку и А-Си заворожённо слушали его сказки. Тогда Кэндзяку сочинил жуткую историю о неразлучных близнецах. А-Эру она показалась зловещей, а вот А-Си пришла в восторг. Кэндзяку лишь улыбнулся тогда и тихо заметил: *"Я так и знал, братец, что ты нас не поймёшь"*.

И лишь теперь, обрывая нить жизни брата собственными руками, он наконец осознал, что они чувствовали.

Любые узы — будь то преданная дружба, сыновний долг или безумная страсть — обречены на разрыв, ведь каждый человек рождается и умирает одиноким.

Но близнецы — иная материя. Даже у обычных людей они связаны незримой пуповиной, а в жестоком мире проклятий и вовсе делят одну душу на двоих.

Кэндзяку иступлённо жаждал этого слияния. А-Си, будучи его зеркальным отражением, разделяла эту жажду, ведь потеря сестры для неё приравнивалась к утрате половины собственного естества.

Но А-Эр стоял в стороне от этой мистической связи. Он любил Кэндзяку как младшего брата, но не более того — зловещая природа близнецового проклятия оставалась для него чуждой.

Его истинными половинками были те двое, другие «я». И Кэндзяку в этом союзе душ места не было.

Это вечное отчуждение ранило Кэндзяку, лишая его покоя, но заставляло любить брата ещё отчаяннее, до полного безумия.

В памяти А-Эра всплыло давнее предупреждение А-Си: **"Берегись их, братец. Эти люди способны наложить на тебя самое страшное, нерушимое проклятие"*.*

И предсмертный шёпот Сатору Годзё:

— Я буду проклинать тебя вечно...

Только сейчас А-Эр, всегда остававшийся слепым к чужим чувствам, осознал горькую истину. Это и было величайшее проклятие мира магов — любовь.

Нелепое, жуткое и уродливое чувство.

Он крепче сжал в объятиях слабеющее тело Кэндзяку, чувствуя, как истончается их кровная связь, о существовании которой он даже не догадывался.

А-Эр инстинктивно попытался удержать угасающую нить, но кровь хлестала нескончаемым потоком, тёплая и липкая. Он уже не понимал, чья она — его собственная или Кэндзяку. Да и какая разница, если их суть изначально была едина.

— Кэндзяку...

Голос сорвался на тихий шёпот. Точно так же он звал его давным-давно в лесной глуши, когда весь его мир ограничивался одним-единственным дорогим существом — его маленьким братом.

Он любил его — плод своих многолетних трудов, и одновременно ненавидел за все те зверства, которые никогда не сможет простить.

Но сильнее всего он ненавидел себя за то, что когда-то давно не сумел его остановить.

Кэндзяку взглянул на него и счастливо улыбнулся. Смерть больше не пугала его — казалось, он просто засыпает на груди у старшего брата, погружаясь в безмятежный полуденный сон.

— Наконец-то... ты заметил меня, братец...

В серебре глаз А-Эра отразилось угасающее лицо Кэндзяку, озарённое умиротворением и покоем.

Прижав к себе безжизненное тело того, кому он когда-то заменил и отца, и мать, А-Эр бережно поцеловал его в холодный лоб — точь-в-точь как в далёком детстве, когда они прятались от невзгод в лесной чаще.

С последним вздохом Кэндзяку его проклятая энергия хлынула обратно, вливаясь в тело А-Эра.

Не успело тело брата остыть, как пришло извещение: Владыка Тэнгэн объявила А-Эра угрозой миропорядку и призвала всех магов начать на него охоту.

Вспомнив последнее предостережение Кэндзяку, А-Эр горько усмехнулся. Скрываясь от погони, он направился напрямик к Дворцу Тэнгэн.

"Слушай, — обратился он мысленно к Системе, — а ведь я на редкость бесчувственный подонок, да? Будь я сейчас в теле Кадзумы Арааки, всё наверняка сложилось бы иначе"

"Не стоит делить себя на части, — отозвалась Система со своей привычной кукольной улыбкой. — Какую бы личину ты ни принял, суть остаётся неизменной. К слову, у Кадзумы Арааки тоже хватает обожателей, разделяющих чувства Кэндзяку"

"Увы, такова твоя природа. Сколько бы они ни умоляли о вечной близости, ты без тени сомнения бросишь их ради очередной призрачной цели"

"Надо же, какая я всё-таки мразь", — усмехнулся А-Эр.

Он взглянул на парящий рядом силуэт Системы. В его голосе смешались горькая ирония, усталость и глухая тоска:

— И в самом деле... В конечном счёте рядом со мной остаёшься только ты.

"Конечно, — донёсся бесстрастный механический голос. На застывшем лице Системы, напоминающем маску куклы, проступило подобие улыбки. — Ведь я — твой самый преданный зритель"

"И я буду следовать за тобой до самого конца"

<http://bllate.org/book/18335/1760510>